

Зов Сина

Информационный вестник
фонда «Эвен-Эзер»

*«Велик Господь и всехвален во граде Бога нашего,
на святой горе Его».*
Ис.47:2

Иерусалим. Вид на Елеонскую гору и Гефсиманский сад с Храмовой горы.

Весна
2007

Тема номера

Ворис Васюков
Шанс стать Есфирью

2

Говорят евреи

Семья Боруховых
Дарованная надежда 10

Вячеслав Израйлов
Я люблю тебя, жизнь!.. 31

Цховребова Ванда
Письмо координатора
Еврейского Агентства
в Северной Осетии 31

ВНИМАНИЕ —
АНТИСЕМИТИЗМ

Анна Баскакова
Пенсионерка
не испугалась

5

Кубасовы Алексей и Ольга
Непризнанные художники
или антисемитизм
по-уральски... 13

Визитная карточка

Анатолий Ермохин
и Алексей Токарев
Уральская сага

11

Из родника Творца

Анна Мистунина
Стихи

6

М. Шкляревская-Кручкова
Вечный странник
Лазар Сегал

21

д-р Рина Неер
Талит и стиральная
машинка

23

По Израилю с
Мариной Воробьевой

Марина Воробьева
Другая гора Синай

14

Божий народ

Израиль сегодня

3

Ирина Марущенко
Ессеи

17

Рыболовные истории

Валентина Артемьева
Истории из г. Клинцы

7

Вика Андрейкина
Рыбалка в Голынках

8

Ифтихар Кардашов
Встреча в детском доме

9

Еврейская традиция

Еврейские праздники

32

Борис ВАЮКОВ,
глава Московского Представительства
Международного фонда «Эвен-Эзер»

Шанс стать Есфирью

Эта статья готовилась в преддверии замечательного еврейского праздника «Пурим», историю которого вы найдете в Библии, в книге «Есфирь». Эта история рассказывает об очередной попытке национально-го уничтожения еврейского народа, планы которого строит злобный антисемит Аман. Но, благодаря вмешательству Великого Бога Израилева, все эти планы были расстроены, а сам Аман повешен на том самом дереве, которое он приготовил для казни одного из предводителей евреев — Мардохея.

Я хочу, чтобы сегодня мы более внимательно посмотрели на еще один важный персонаж Пуримских событий — на царицу Есфирь. Мудрую и прекрасную, царь Артаксеркс выбрал ее себе в жены из многих языческих красавиц, не догадываясь, что в ней

течет еврейская кровь. Именно для Есфирь Господь определил позицию защитницы еврейского народа, способной ради этой защиты встать пред лицом могущественного царя, тем самым подвергая самую себя смерти. К ней, к Есфири, были обращены пламенные слова Мардохея: *«Не думай, что ты одна спасешься в доме царском из всех Иудеев. Если ты промолчишь в это время, то свобода и избавление придет для Иудеев из другого места, а ты и дом отца твоего погибните. И кто знает, не для такого ли времени ты и достигла достоинства царского»* (Есф.4:13-14)

Я думаю, сегодня эти слова в полной мере относятся к Божьей Невесте: к прекрасной и одаренной небесной мудростью Церкви, рожденной кровью Иисуса Христа, корня и потомка Давида, пролитой на Голгофском кресте, к Церкви, которой Господь, уходя, передал Свою силу и Свою власть.

В прошедшие века история знала многих Аманов-антисемитов, мечтавших решить «еврейский вопрос». Всех их постигла судьба, определенная Хранящим Израиля, всегда открывавшим Своему Первенцу пути для его свободы и избавления. Но всегда ли Церковь Божия в этих ситуациях становилась Есфирью? К сожалению, мы не можем сказать об этом утвердительно.

Удивительно, но массовое убийство евреев — Холокост времен второй мировой войны, совершалось в самом центре христианской Европы, на глазах миллионов христиан. Их молчаливое согласие вдохновило обезумевшего Амана-Гитлера на убийство шести миллионов евреев. Конечно, были и одиночки-герои, представлявшие собой истинное христианство, отдавшие свои жизни ради спасения Божьего народа. Вечная им слава и память! Но в целом Церковь оставалась холодной и равнодушной. И это равнодушие оттолкнула евреев от Церкви на многие годы.

Да, Господь нашел пути и места для спасения Иудеев и во время Холокоста. Он — верный Бог! Но Его Невеста, Его Церковь, омытая кровью Льва из колена Иудина, получившая в наследие пророческое Слово, сохраненное Иудеями, вошедшая под благословения Авраама, промолчала...

Сегодня, в последние времена, предшествующие пришествию Господа, мы знаем, тьма струсит над Израилем, и все народы отвернутся от него. Но Господь не отвернется. И, верю, не отвернется и Церковь.

Новые Аманы лелеют уже новые планы об уничтожении еврейского народа. Господь дает Церкви шанс показать всему миру, что Она достигла достоинства Царского, и не промолчать. Пришло время встать перед лицом мироправителей и, несмотря на угрозы антисемитов и возможность быть непонятыми многими, защитить Божий народ. Это шанс и для тебя, и для меня!

23 апреля еврейский народ празднует День независимости Израиля в честь провозглашения государства Израиль 14 мая 1948 года (5 ияра по еврейскому календарю). Хотим познакомить читателя «Зова Сиона» с основной информацией, касающейся государственности Израиля.

Израиль сегодня

Государство Израиль — парламентская республика, 0 его создании было провозглашено 14 мая 1948 года в соответствии с планом разделения Палестины, принятым Организацией Объединенных Наций.

Глава государства — президент, которого избирает кнессет на пять лет тайным голосованием. Первым президентом Израиля стал председатель Всемирной сионистской организации профессор Хаим Вейцман.

Высший орган законодательной власти — кнессет — однопалатный парламент, который состоит из 120 депутатов. Первый состав кнессета начал свою работу после всеобщих выборов в январе 1949 года. Кнессет находится в Иерусалиме.

Центральный орган исполнительной власти — Кабинет министров, возглавляемый премьер-министром. Первым премьер-министром Израиля стал глава Еврейского агентства Давид Бен-Гурион.

Власть в городах осуществляют муниципалитеты, в поселках и деревнях — местные советы, региональные советы руководят группами небольших населенных пунктов.

Государственный герб Израиля представляет собой семисвечник (менора), обрамленный двумя оливковыми ветвями (символ мира), исходящими от расположенного внизу написанного на иврите названия государства. Золотой семисвечник был одним из главных культовых предметов в иерусалимском Первом Храме времен царя Соломона. Герб утвержден Временным государственным советом 10 февраля 1949 года.

Государственный флаг Израиля — белое молитвенное покрывало с двумя горизонтальными голубыми полосами и голубой шестиконечной звездой в центре. Утвержден как символ государства 28 октября 1949 года.

В основе **государственной гимна** стихотворение «Ха-тиква» («Надежда»), написанное Нафтали Герц Имбером в 1876 году:

*Пока не угаснет в сердце огонь
Нашей еврейской мятежной души,
Будем к Востоку идти мы вперед,
Взор устремив на Сион.*

*Не забыть надежды нам своей,
Что две тысячи лет в себе несем.
Будем мы снова народом свободным
На Родине нашей — в стране Сиона,
Иерусалима.*

Столица Израиля — город Иерусалим с населением более 600 000 человек. Другие крупные города: Тель-Авив (более 400 000 человек, с пригородами — свыше 1 000 000), Хайфа (270 000 человек, с пригородами — более 400 000), Беэр-Шева (более 150 000), Нетания (около 150 000), Ашдод (около 130 000), Ашкелон (около 90 000), Назарет (около 55 000), Тверия (около 40 000), Эйлат (около 40 000 человек).

Израиль расположен на

Ближнем Востоке. На севере он граничит с Ливаном, на северо-востоке — с Сирией, на востоке — с Иорданией, на юго-западе — с Египтом. С запада его омывает Средиземное море (береговая линия — 230 километров), на юге находится Красное море (береговая линия — 12 километров). Общая протяженность границ — 1125 километров. Площадь Израиля внутри границ и линий прекращения огня, включая Палестинскую автономию, — 27 800 квадратных километров. Протяженность страны с севера на юг — 470 километров, с востока на запад в самом широком месте — 135 километров. Самая высокая точка — гора Хермон (2224 метра), самая низкая — зеркало Мертвого моря (400 метров ниже уровня Мирового океана), самое низкое место на Земле.

В Израиле проживают более 6 000 000 человек. Из них около 80% — евреи (более половины — коренные жители), примерно 17% — арабы, остальные — представители других национальностей: друзы, бедуины, черкесы и т. д. В городах проживают более 90% израильтян.

В Израиле два государственных языка — иврит и арабский. С ростом количества репатриантов из республик бывшего СССР значительное распространение как разговорный получил русский язык.

Антисемитизм — не только угроза существованию государства Израиль со стороны других стран, но и ненависть других наций по отношению к еврейскому народу. Признаки этой ненависти ты без особого труда сможешь обнаружить в своем городе. Как ты к этому относишься?

Пенсионерка не испугалась

МОСКВА, 10 августа (АЕН) — Вчера по Москве были расклеены плакаты антисемитского содержания. Узнав об этом, пенсионерка Светлана Ашурова сняла их, несмотря на сопротивление собравшейся вокруг толпы.

— Я так плакала, столько пережила, — рассказывает Светлана Ашурова корреспонденту АЕН. — Как только я услышала о плакатах, отправилась на ближайшую троллейбусную остановку — «Второй часовой завод», и увидела этот кошмар. Плакат был огромным, он был помещен на остановке между двумя стеклами — так, как обычно размещают рекламу. Люди подходили, смеялись, шушукались, говорили: «Давно пора евреев отсюда выгнать!».

Я сначала побоялась снимать плакат самостоятельно и побежала в милицию, в опорный пункт. Там мне ответили: «Уже звонили, плакаты есть и на улице Правды, и на Тверской, попробуем что-нибудь сделать!». Я побежа-

ла за своей собакой — у меня питбульерьер, снова вернулась. Уже стемнело. На остановке было полным-полно народу, все смотрели на плакат. Извлечь его из-за стекла было очень трудно. Я пошла к расположенному рядом банку, обратилась к охраннику: «Не можете достать?». Тот подошел, прочитал плакат, сказал мне: «Еще чего не хватало!» и пошел.

Тогда я привязала собаку к скамейке и попыталась вытащить сама. Смотрю — народ глядит на меня жестоко. А поддеть бумагу никак не получалось. Тогда я сходилась домой за инструментами. Смотрю — люди стоят, читают. Я привязала собаку к скамейке и попросила собравшихся мне помочь. Услышала: «Ты сума сошла — тебе помогать!». Тогда я говорю: «Отойдите, у меня злая собака». Кто-то сказал: «Выкинь эту жидовку со скамейки». Мужчина ответил: «Ты попробуй подойди. Сама видишь, какая у нее собака». Я боялась. Но помнила о своей цели — убрать эту мерзость. Наконец мне удалось отделить стекло, я поддела бумагу, вытащила, свернула. Лица у людей вокруг были очень нехорошие. Я нашла и второй плакат — он был размещен на стенде на улице Правды, сорвала его. Третий мне найти не удалось, хотя я прошла пешком до самой улицы Фучика. Сегодня я отнесла плакаты в синагогу — один на Бронную, второй в Марьину рощу.

Дай Б-г, чтоб люди поняли: мы, евреи, против войны. Мы мечтаем об одном — чтобы она прекратилась и люди не убивали бы друг друга. Если бы при мне били еврея, таджика или араба — я бы вступилась точно так же. Мне одинаково больно видеть убитых еврейских и арабских детей. Я шла обратно с этими плакатами и плакала, у меня словно все сдавило внутри — так я была задета. Словно все померкло вокруг. Я боялась возненавидеть ту землю, по которой хожу.

Анна Баскакова

По материалам сайта Агентства Еврейских Новостей.

АННА МИСТУНИНА

Освенцим — клеймо на душе.
В глазах дым и пламя печей.
Ничем не поможешь уже
Шести миллионам людей.

Освенцим мы видим во сне,
Но нет, это вовсе не сон!
И снова мы гибнем в огне,
И все мы — седьмой миллион.

Нас снова кидают, живых,
В открытые пасти могил,
Измученных, жалких, больных.
Наш крик сотрясает весь мир.

Освенцим... Из пропасти лет
Доносятся вопли детей.
...Сегодня мне крикнули вслед
Обычное слово: «Еврей».

ЦАРЮ ИЗРАИЛЯ

Здесь льётся кровь Твоих детей.
Земля насквозь ей пропиталась.
Спаси же Эрец Исраэль,
То, что от нас ещё осталось!

Ответь!
О, Царь небес святых!
Доколе будешь Ты безмолвен!
Вступишь за подданных своих!
О, сколько можно литься крови!

Помилуй!
Выведи народ!
Прославь Своё Святое Имя!
Услышь нас —
В следующий год
Да встретимся
в Иерусалиме!

МЫ — ЖИВЕМ

Жизнь идёт. Улыбаются дети.
Мы отстроили все города
На развалинах. Льются года,
И травой покрывается пепел.

Жизнь идёт. Закрываются раны.
Зарастает клеймо на душе.
Полстолетия минуло уже.
Мой народ всё же выжил.
Как странно...

Мой народ существует на свете,
Словно не было этой войны,
Лет, когда все мы были равны,
Все равны пред пустым взглядом смерти.

Кто сказал, что Господь нас оставил?
Мир неверящий, что же, смотри!
Видишь, мир, — мы живём!
Мы смогли
Воссоздать государство Израиль!

Продолжаем знакомить вас с короткими историями представителя фонда «Эвен-Эзер» в г.Клинцы, Брянской области, Валентины АРТЕМЬЕВОЙ.

НОВАЯ СЕМЬЯ

Рыболовная команда, приехавшая из Москвы, однажды передала мне информацию о еврейских семьях, которые проживали в небольшом городке Унеча. Я решила договориться о встрече с этими людьми. Звонила по разным адресам, справедливо полагая, что все это разные люди. Каково же было мое удивление, когда на встречу на вокзале пришли представители трех семей одной большой династии. Тамара Григорьевна Ващенко — мама, ее дочери — Наташа и Оля, у каждой своя семья.

Я с ними беседовала. Выяснилось, что они совершенно ничего не знают о своем народе: ни его праздники, ни его историю, даже не знают, что такое «шаббат». Вы бы видели, какими глазами они смотрели, жадно впитывая каждое сказанное мной слово. Я оставила им литературу об Израиле, информацию об «Эвен-Эзере», они всё взяли, как драгоценность. «А нас впустят в Израиль? — был их вопрос, — Ведь мы ничего не знаем!» «Да, только подготовьте документы». Это было для них радостным шоком. Ехать собрались все — даже мужья русские согласились! Всего 9 человек: 5 взрослых и 4 детей. Слава Богу!!! Как выяснилось, объявление о фонде они прочитали в газете, потом позвонила я, и они восприняли нашу встречу не просто, а как доказательство, что все это для них — не случайность.

Сейчас они собирают документы, и мы им пожелаем, чтобы все у них получилось, чтобы эта неожиданная радость, пришедшая в их семейство, обрела свое завершение в земле Израиля!

БАШМАКОВЫ ЗИНА И ВЯЧЕСЛАВ

С Зиной я познакомилась через Дрибенец Татьяну (которая на днях вместе с сыном совершила репатриацию в Израиль). Она дала ей мой телефон, Зина позвонила, и вот мы встретились.

Зина рассказала, что ее родители — евреи, сестра с отцом давно выехали в Израиль. Дети Зины тоже там: дочь с мужем и ребенком и сын, отслуживший в армии Израиля.

Ее приезда ждали, но помешало этому печальное событие — отец, не дождавшись, умер. Но жизнь продолжается, и Зина с мужем Вячеславом собрались выехать в Израиль. Сразу им не повезло — не открыли визу, но во второй раз счастье улыбнулось им! 24.01.07 Башмаковы совершили алию.

Да благословит вас Господь в обетованной земле, доброго пути вам, Зина и Вячеслав!

О БЛИНЦОВСКИХ

С Евгением Блинцовским я познакомилась 6.02.06 г. За чашкой чая узнала, что Женя — кадровый офицер, все молодые и зрелые годы отдал службе в армии. Жизнь офицера кочевая и они с женой Тамарой и дочерью исколесили весь бывший Советский союз, побывали и за границей. Они расспросили меня о нашем фонде, я рассказала об оказываемой нами помощи. Они давно подумывали о репатриации.

Отец Жени — Блинцовский Бениамин Литманович, 1922 г.р., участник Великой Отечественной войны, мама — Блинцовская Соня Евелевна 1920 г.р. Перед поездкой к консулу она очень сильно заболела, и поездку пришлось отложить. Мама не шла на поправку, и в августе 2006 она умерла.

Я навещала Бениамина Литмановича, и он мне рассказывал о военных годах, о боях, как ему тяжело было восстанавливать военную связь, сколько товарищей полегло тогда, а ему повезло пройти весь этот ад и вернуться домой... Показал и награды — их у него много, вся грудь в орденах и медалях. Вот такой у Жени отец.

Получив визу, Женя и Тамара вернулись в Клинцы, чтобы закончить оформлять все отцу. Они улетели в Израиль в октябре 2006 года. Их провожала двоюродная сестра Татьяна с дочерью Полиной. Блинцовские остались очень довольны радушию и вниманию со стороны фонда «Эвен-Эзер», благодарны всем, кто принял участие в их репатриации, помог с оплатой всех необходимых затрат. Прекрасно, когда дело говорит само за себя!

Вы хотите побывать на одной из рыболовных поездок?
 Наш представитель по Западному региону Центральной
 России Виктория Андрейкина приглашает вас.

Рыбалка в Толынках

**Представитель фонда
 «Эвен-Эзер»
 Вика АНДРЕЙКИНА (Смоленск)**

Четверг. Договорившись накануне о посещении неизведанных «рыболовами» мест на карте Смоленской области, мы с Любовью Алексеевной направили свой путь в г. Голынки, Руднянского района.

Любовь Алексеевна, добровольный помощник из одной из Смоленских церквей, однажды побывала в молитвенной поездке в Израиль, организованной нашим фондом, после чего сказала: «Вика, везде и всюду, где только надо — берите меня! Я поеду везде!» Этот случай как раз и представился, и вот мы с ней поехали.

Езды было час с небольшим. В Голынках нас никто не ждал, поэтому план был таков: 1. церковь, 2. верующие, 3. администрация, 4. на худой конец, местная адресная книга (для того, чтобы «выйти» хотя бы на одну еврейскую семью). Церковь мы нашли быстро. По «наводке» местных жителей мы пришли к зданию старого клуба, в котором временами проходила церковная служба православного священника.

Все было накрепко заперто. По пункту №2, надлежало найти верующего. Накрапывал дождь, вдали маячила фигура пожилой женщины. Мы пошли к ней навстречу. Женщина была рада с нами поговорить, т.к. других приключений в этот день у нее не предвиделось. Утопая в грязь (Любовь Алексеевна поехала в увлекательную поездку по району в белых сапогах «на шпильках»), мы подошли к дому, где, по словам нашей попутчицы, жила хорошая верующая бабушка.

Исрядно промокнув, мы поднялись на второй этаж дома, где жила местная верующая. Дверь привычно гостеприимно распахнулась, и маленькая женщина, не взглянув на нас, убежала в кухню, крикнув, чтобы мы проходили. Мы были мокрые и грязные, и понимали, что пришли не ко времени — хозяйка готовила обед для строителей, которые должны были вот-вот прийти со стройки нового Храма. Евдокия Васильевна, наконец, вышла к нам, мы ее разглядели, — это была чернявая, еще не успевшая поседеть, бабушка с очень знакомыми нам еврейскими чертами. Но радость наша была недолгой: узнав, что мы из благотворительного фонда, который ищет еврейские семьи с целью оказать им помощь, она, испуганно поглядывая по сторонам, бестрепочно выставила нас за порог.

Выйдя на улицу, мы решили двигаться к пункту №3. Подойдя под проливным дождем (зонты мы не брали — январь, как-никак) к железнодорожному переезду, мы поняли, что сделали это абсолютно вовремя, — наперерез нам медленно и величаво двигался товарный состав из бесчисленного количества вагонов. Мы с надеждой смотрели, что он-таки потихоньку проедет себе дальше, но состав остановился ровно посередине: впереди не было видно, где находится паровоз, а позади — где же у него хвост... Моста на ту сторону тоже не было. Любовь Алексеевна многозначительно подняла палец вверх и сказала: «Значит, полезем!..» Она пробиравась сверху между сцеплением вагонов, а я постаралась «юркнуть» снизу — под вагоном. Мы преодолели и это препятствие. Довольные этим, мокрые, грязные, я — с шишкой на голове (откуда под вагоном взялись всякие скобы?), мы пошли в администрацию.

Когда Наташа с Олей (так звали работников) выяснили, что нам нужны адреса еврейских семей, Оля сразу же стала звонить своей свекрови, в надежде, что у той сохранились хоть какие-то документы. Свекровь была еврейкой, но документов у нее не было, их поглотила война и опасливость ее близких, ведь в годы войны на Смоленщине было уничтожено практически все еврейство, а кто выжил, и вернулся из эвакуации, очень боялись жить дальше под своими фамилиями. Наши знакомые дали нам два адреса евреев из своих библиотечных списков, и мы пошли по одному из них.

Позвонили, нам открыли. Вениамин Кузьмич Иоффе пригласил войти. Тут тоже были рады, что мы незваные «плеснем краски» в их будничный день. Вскоре Вениамин Кузьмич нетерпеливо заерзал, он очень захотел в Израиль, а его жена Тамара захотела на нас, вернее, на наших спинах, показать свое искусство массажистки. Любовь Алексеевну она «мучила» недолго, а мне решила вправить лопатку... В общем, такого необычного

путешествия по «рыбным» местам в моей практике еще не было!

Расставались мы добрыми друзьями, с банкой соленых грибов «на дорожку», телефонами ее детей в Смоленске и пожеланием дальнейшего сотрудничества!

По второму адресу мы не успели, наш последний автобус уходил в Смоленск через 20 минут. Только в автобусе я выяснила, что у Любовь Алексеевны в Смоленске ходит в церковь ее подруга, работник областной администрации, которая в социальном отделе имеет всевозможные списки нуждающихся в нашей заботе людей по всей Смоленской области. Аलिулъя!

*«Ухо, слышавшее меня, ублажало меня;
око видевшее восхваляло меня,
потому что я спасал страдальца
вопящего и сироту беспомощного».
(Иов.29:11,12)*

Встреча в детском доме

Республика Дагестан является чуть ли не одной из самых многонациональных республик Северного Кавказа, в одном городе может насчитываться до пятидесяти национальностей. Одна из них — горские евреи. Этот народ особо свято чтит свои традиции, исполнение кашрута и других законов Торы, что является одним из главных атрибутов его жизни. Слово «сирота» в целом не приемлемо для них, потому что родители не оставляют своих детей. Несмотря на это, в 2005 году наш местный представитель посетил Детский дом №7 в городе Избербаше с целью поиска евреев, больше надеясь найти евреев среди обслуживающего персонала, чем кого-то из детей. Каково же было удивление, когда он нашел там девочку еврейку, которую оставила ЕВРЕЙСКАЯ мама.

Рита стала нежеланным ребенком, к тому же инвалидом. Ее мама повторно вышла замуж, а ребенка оставила в роддоме. Так маленький крошечный ребенок был предоставлен трудной судьбе. Директор детского дома настолько любит детей, что каждый из них признаёт её за «свою маму» — никто не остается незамеченным. А настоящую маму вызывали, чтобы она хотя бы приехала посмотреть на дочь, но она так и не захотела увидеть своего ребенка... У Риточки тяжелый диагноз — кальций не задерживается в организме, поэтому ей приходится переносить множество операций, которых добивается директор детского дома. Во время

очередного лечения теперь уже в Подмоскowie, приезжали раввины, которые рассказывали об Израиле, и что она может поехать в Израиль. Конечно, ребенку трудно принять такое сложное для неё решение, ведь в Избербаше есть «мама», которая её любит и заботится о

ней. Она отказалась от поездки на ПМЖ, но возможно поедет просто ознакомиться со страной, о которой так уже много наслышана.

КАРДАШОВ Ифтихар, региональный представитель фонда «Эвен-Эзер» в республике Дагестан. (на фото — с Ритой)

Говорят евреи

Дарованная надежда

Это очень страшно — потерять надежду, впасть в уныние, в чем-то усомниться. Я думаю, что каждый из нас переживал в своей жизни такие минуты, когда человек впадает в отчаяние, теряет надежду.

Это произошло со мной, когда я осталась совершенно одна с маленькой, грудной дочкой на руках и сыном, после смерти моего мужа в Таджикистане. Во время войны приходилось менять все, что было нажито, просто на еду, потому что вещи ничего не стоят, если нечего есть. Только мать может бежать под пулями к школе, чтобы забрать своего ребенка. Только мать в отчаянии и скорби будет искать лучшего для будущего своих детей. Я долгое время добивалась выезда в Израиль из Таджикистана, но так и ничего не добившись, решила выехать в Россию к маме. Но, выехав оттуда в феврале 2006 года домой, мы оказались здесь также ненужными, чужими иностранцами. Там мы чувствовали себя «чужими среди чужих». Здесь мы почувствовали себя «чужими среди своих». Почти целый год я ходила по всем вышестоящим организациям, но мне так и не сообщили причину отказа в принятии наших документов. Без документов я не могла устроиться на работу, получать пенсию на ребенка. Это было отчаянное положение. Я думала уехать куда угодно: в Германию, Израиль — лишь бы меня приняли. В Германию не получилось....

Но судьба свела меня с замечательным и добрейшим Человеком с большой буквы — Семеном Яковлевичем, помощником консула, который сказал, что все будет хорошо: «С документами все в порядке, ждите консула». Так и случилось, консул поставил нам визу. Я с радостью предвкушала, что в ближайшие дни буду в Израиле... но Господь, сколько же еще будет испытаний? Сейчас стал решаться вопрос — могу ли я выехать с паспортом Таджикистана из России в Израиль. Я не хочу терять надежды, что все образуется, и верю, что все совершится. Хочу сказать слова благодарности тем, кто даровал надежду — сотрудникам Сохнута города Пятигорска, за их внимательность и доброту, сотрудникам Хеседа г.Пятигорска за оказанную помощь, сотрудникам «Эвен-Эзер» — благодарность за ваш труд.

«Небесный Царь, грядешь ты скоро,
Труба победно вострубит...
Гори, сияй в ночи менора,
Заблудших к жизни пробуди!»

С благодарностью от всей души, и от всего сердца, Боруховы

Р.С. В феврале 2007 года Боруховы совершили святую алию.

География служения фонда «Эвен-Эзер» весьма широка. Эта история поможет вам узнать поближе работу его Уральского офиса.

Уральская сага

**Рассказывают лидеры служения
«Эвен-Эзер» на Урале
Анатолий ЕРМОХИН и Алексей ТОКАРЕВ**

Уральский регион. Что особенного в этой части Земли Северной?

Есть в русском народе пословица: «каждый кулик свое болото хвалит». А ведь и правда, люди склонны привыкать ко всему и в каждом месте видеть и замечать хорошее. Не приходилось ли вам видеть, как какой-нибудь житель городка из глубокой провинции пытается нахваливать родной край. Ну а если объективно посмотреть, то непонятно, чем тут можно гордиться. Да, мы любим Уральский край с его лесами, реками и озерами. Но давайте вспомним, что в еще не столь далекие времена это был ссыльный край, куда на каторжные работы отправлялись тысячи людей, многие из которых вскоре умирали, не выдержав суровости Уральской земли.

Так повелось, что не принято у нас жаловаться на судьбу и горькую долю, не принято и хвастаться. Но вспоминаются сотни еврейских лиц, спасенных нами из разных уголков Урала, десятки вывезенных нами инвалидов и беспомощных стариков, с ампутированными или негнущимися конечностями, в здравом рассудке и в тяжелом помешательстве! И каждый из них ждал нас, нашей помощи и провожал нас со взглядом ли, с улыбкой ли, которые очень многого стоят! Думается, как могли они существовать в этой негостепри-

имной для них земле? Откуда только с Божьей помощью нам не приходилось вывозить «узников земли галута (ивр., изгнание)»! Какими только мыслимыми и немислимыми дорогами, в мороз, в гололед, по тяжелейшему бездорожью (однажды пришлось ехать просто по полю), нам все же удавалось вывезить еврейские семьи.

Фактически, с первых месяцев существования Уральского офиса фонда «Эвен-Эзер» нами совершались регулярные поездки, чтобы помочь очередному «...слепому и хрому...» (Иер. 31:8) еврею совершить Алию. И вспоминаются многие истории, достойные того, чтобы быть упомянутыми в данной статье, и как трудно сделать

выбор. А может не стоит отдавать предпочтение ни одной из них, чтобы не умалить и не затмить важности и касающейся глубины души трагичности и мужественности каждой из них? И все же кратко расскажу самую первую подобную миссию спасения.

Началось все осенью 1999 года. По обычной почте мы получили письмо; развернули конверт и ахнули — там лежали короткая записка и старое свидетельство о рождении. В записке одна женщина, мать троих детей, слезно умоляла нас спасти ее и ее детей от голодной смерти. Кто-то сказал ей, что мы помогаем евреям уехать в Израиль. Вот она и прислала нам свидетельство о рождении своей мамы. Что делать? Такая ответственность. Написали ей ответное письмо и вложили присланное свидетельство о рождении. Да вот точного адреса и индекса

не знали, а без них страшно было посылать столь важный спасительный документ. На конверте было указано только: село Покровка, Соль-Илецкий район. А где это? В России сотни Покровок, и добрый десяток из них находится на Урале. Долго искали, где этот Соль-Илецкий район. Нашли. И все равно страшно посылать документ письмом: а вдруг пропадет?

Молились. Решили ехать. Так, в один из дней начала февраля 2000 года, рано утром выехали из Екатеринбурга. К ночи добрались до города Оренбурга, очень устали, преодолели расстояние в 1100 км. Заночевали. На следующее утро поехали искать город Соль-Илецк. Нашли его в 100-120 км на юг от Оренбурга, почти на самой границе с Казахстаном. Куда дальше? Долго расспрашивали жителей городка, где находится село Покровка. С трудом нам все же удалось узнать правильное направление. Преодолевая огромные снежные заносы южно-уральских степей и опаснейший гололед (несколько раз машину разворачивало на дороге по причине последнего) через добрых 50-60 километров переехали понтонный мост через небольшую речку и въехали в село. Двигаясь по улице, а это оказалась главная улица села, мы не встретили ни одного прохожего. И вдруг видим — идет женщина. Мы остановились, спросили улицу. А она нас сразу спросила, кого мы ищем. Мы ей сказали: «Чеканову Зинаиду и ее детей». Оказалось, что встретившаяся нам женщина работает в сельсовете и всех жителей в их маленьком поселке прекрасно знает. Мы восприняли ее, как Божьего посланника. Однако, разговорившись, мы узнали от нее, что Зинаида с детьми уже какое-то время не живет в поселке, она уехала в Соль-Илецк. Как потом оказалось, никто в этом поселке не знал адреса, куда уехала Зинаида. Мы посетили несколько домов, расспрашивая жителей, но получали один и тот же ответ: не знаем. И вдруг один уже не молодой чеченец, проживавший в Покровке, назвал нам адрес каких-то дальних родственников Зинаиды в Соль-Илецке, которые, возможно, знают где ее искать.

Поблагодарив и попрощавшись мы поспешили в Соль-Илецк. В Соль-Илецк мы вернулись уже к вечеру. И первым же делом направились по указанному адресу. Встретили нас очень негостеприимно, даже грубо, видно было, что люди находятся во вражде с разыскиваемыми нами личностями. Путем невероятных переговоров, нам удалось все же узнать, что некий Ренат должен знать, где находится Зинаида с детьми. Но вот где живет Ренат, они тоже не знают, знают только, что он работает на городском рынке. Сломая голову мы помчались на рынок, ведь дело уже шло к концу рабочего дня, и рынок должен был вот-вот закрыться. Немного поплутав, прибыли. Я пошел в одну сторону по рынку, Алексей в другую. Так мы обошли весь рынок, расспрашивая людей, не знают ли кто Рената. Встретили у выхода с отрицательным результатом, чувствовалось, подступает отчаяние и разочарование. Неожиданно к нам подошла женщина, и, узнав нашу ситуацию, назвала адрес Рената. О, счастье! Поплутав еще добрых 20 минут, мы нашли Рената, а он нас проводил в дом, где жила Зинаида. Господи, какую нищету нам предстояло увидеть! Переборов первое ужасающее впечатление мы познакомились с Зинаидой и ее детьми.

Прошло еще долгих 6 месяцев, пока Зинаида и ее дети не уехали жить в Израиль. Все это время мы оказывали им повсеместную помощь, регулярно навещая их. После отъезда Зинаиды с двумя младшими сыновьями, мы еще полгода занимались помощью

в репатриации ее старшему сыну Александру, вернувшемуся из армии. Примерно через год после нашей первой встречи с Зинаидой совершил Алию и Александр.

Трудно себе представить, что бы мы делали в этой еще не самой трудной истории, да и во всех остальных случаях, если бы не находившийся в нашем распоряжении и столь необходимый нам транспорт. Да и по сей день мы видим, как много сыновей и дочерей Израиля ожидают нашей в некотором роде эксклюзивной помощи. Хвалим Бога, что все это время мы имели возможность неограниченное время ис-

АЛЕКСЕЙ И АНАТОЛИЙ С ЗИНАИДОЙ И ЕЕ ДЕТЬМИ

пользовать находящийся в собственности нашего фонда автомобиль. Но, увы, не снашивалась обувь только у народа Божьего при выходе из Египта, а наш автомобиль-долгожитель доживает последние дни своего существования в фонде «Эвен-Эзер». Да, он славно потрудился в уделе Божьем; жаль расставаться со старым другом! Но хочется с надеждой на лучшее и с верой во всемогущего Б-га смотреть в будущее: не приготовил ли Господь достойную ему смену?! Не велик ли Б-г обеспечить служителей его всем необходимым для исполнения воли Его?!

P.S. Несколько дней назад нам позвонил молодой человек из Израиля. Представился Сашей. И только из разговора мы узнали его, это был старший сын Зинаиды Чекановой. Он позвонил нам, чтобы спросить, не мог бы он тоже, живя в Израиле, участвовать в служении «Эвен-Эзера» и помогать таким же бедным семьям, какими 7 лет назад были и они.

P.P.S. В феврале 2007 года Екатеринбургский офис приобрел совершенно новый микроавтобус.

ВНИМАНИЕ – АНТИСЕМИТИЗМ!

Непризнанные художники или антисемитизм по-уральски...

К неприличным рисункам и надписям на стенах домов оренбуржцам не привыкать. Проходя, например, однажды по улице Тимирязева дом № 4, на стене жилого девятиэтажного дома я обнаружил полотно уличных «Пикассо»: неизвестные изобразили человека, выбрасывающего в мусорную корзину главный еврейский символ — звезду Давида. Ни лишних слов, ни комментариев, все, что было нужно сказать, сказал «наскальный» рисунок. Призыв «За чистый город» был изображен на торце дома, как раз под окнами квартиры на втором этаже, где проживает семья Трахтенберг. Эту семью сами мы никогда не видели раньше, просто знаем из Хеседских списков, что таковые проживают там. Мы неоднократно пытались попасть к семье, но безрезультатно. Никто никогда не открывал. Столько стен, столько заборов, но почему-то именно здесь, под окнами еврейской семьи — все это не спроста. Похоже, у оренбургских расистов-полуночников началось сезонное обострение.

КУБАСОВЫ Алексей и Ольга

Региональные представители фонда «Эвен-Эзер» в Оренбургской области

Продолжаем публиковать очерки об Израиле одного из лучших русскоязычных гидов этой страны Марины ВОРОБЬЕВОЙ, несменного проводника всех организуемых фондом «Эвен-Эзер» туров в обетованную землю.

Другая гора Синай

Мы выгружаемся из джипа и осматриваемся вокруг, наслаждаясь тишиной и покоем пустыни, ошеломившими нас после тряски и рева мотора. Гора Карком невысока, и нам вдруг — не то в шутку, не то всерьез — приходит в голову, что это еще одно свидетельство в пользу того, что она может быть настоящей горой Синай: ведь восьмидесятилетний Моше поднимался на нее семь раз!

Мы готовы начать подъем, но Сефи, наш проводник из поселения Шахарут, ведет нас куда-то вниз. Мы уже догадываемся, что увидим там. Недаром мы больше полугода готовились к встрече с этим местом, обшаривали интернет в поисках материалов — мы знаем, что нам предстоит увидеть, как человек, пришедший в Лувр, знает, что где-то там, в одном из залов, он увидит Мону Лизу. И вот, буквально в ста метрах от нашего джипа, мы останавливаемся перед древним жертвенником. Небольшая площадка, грубо обработанный камень для заклания жертвенных животных, напоминающий плаху. На краю площадки вертикально установлены двенадцать камней — два ряда по шесть камней

в каждом. «И пришел Моше, и пересказал народу все слова Господни и все законы; и отвечал весь народ в один голос, и сказали: все слова, которые говорил Господь, исполним. И написал Моше все слова Господни, и встал рано поутру, и построил жертвенник под горою и двенадцать памятных столбов двенадцати коленам Исраэля». Эти камни совсем небольшие. В свое время мы были немного разочарованы, увидев их фотографию. Но здесь, посреди пустыни, это несомненное свидетельство служения человека Богу производит потрясающее впечатление!

Постояв перед жертвенником, начинаем подниматься по склону горы. Подъем совсем не тяжелый, но все-таки наша маленькая группа растягивается. Наши провожатые идут далеко впереди, беседа и, похоже, даже не обращая на нас внимания. «Тоже мне, гиды...» — подумали мы, но спустя некоторое время поняли, что все правильно: здесь лучше всего идти самому, в своем собственном темпе, останавливаясь, осматриваясь, отходя в сторону — слишком уж много интересного вокруг. Весь склон горы усыпан темными камнями — это и есть знаменитые кремни горы Карком. Некоторые из них под влиянием многовековых колебаний температуры растрескались, образовав острые каменные пластинки — наверное, такими пластинками пользовались древние люди, прежде чем научились сами раскалывать и обрабатывать камень, придавая ему нужную форму.

А вот и рисунки! Сколько их! Антилопы, скорпионы, змеи... «Если бы я был древним человеком, я обязательно нарисовал бы что-нибудь на том большом камне,» — говорит один из нас, отходит, чтобы проверить, и, конечно же, обнаруживает рисунок.

Наконец мы собираемся на вершине. Наши открытия продолжают. Вот лишенные каменной круглые площадки-тарелки — это следы стойбищ древних людей, проходивших здесь 35 —

40 тысяч лет назад. Вот обнесенная камнями площадка, посреди которой установлен камень с грубо высеченными глазами и ртом — это одно из четырехсот обнаруженных на горе древних святилищ. Поистине, гора Карком была местом поклонения, «Божьей горой», задолго до того, как Моше пас в пустыне овец Итро. А вот на одном из камней, рядом с изображением скорпионов и черепах, небольшой рисунок: дзвончатая табличка, разделенная на десять квадратов. Да ведь это скрижали с десятью Заповедями! По крайней мере, нам так хочется в это верить...

Мы узнаем все новые и новые удивительные вещи о горе Карком. Оказывается, название «Карком» было предложено Комиссией по географическим названиям, оно совершенно произвольно; но арабское название этой горы переводится как «гора Празднеств» или «гора Торжеств» — может быть, это след прежнего культового значения горы? Гора расположена совсем рядом с Нахаль Паран, а именно в пустыню Паран направились израильтяне, покинув стан у горы Синай. Кстати, по мнению Сефи, слово «мидбар», означающее в современном иврите пустыню, в те времена имело значение «пастбище в пустыне» — то место в пустыне, где можно найти растительность для выпаса скота. Разумеется, такие места встречаются, в основном, в руслах пересыхающих потоков. Значит, многочисленные «пустыни», перечисляемые в Торе (пустыня Шур, пустыня Син, пустыня Паран... — откуда столько разных пустынь на достаточно небольшой территории?) — в действительности долины речек, между которыми наши предки кочевали в поисках пастбища. Если это верно, то становится понятно (это уже наше собственное «открытие»), почему в Торе написано: «Повел он раз овец за пустыню...»: Моше прошел пастбище в русле реки, и после этого пришел к горе Божией. Примерно так же, миновав Нахаль Паран на джипе, достигли мы горы Карком...

Сефи показывает нам сделанные с самолета фотографии, на которых видны десятки древних лагерей, разбросанных вокруг горы. Говорят, не-

давно на горе обнаружили странное изображение размером несколько десятков метров. Подобно знаменитым фигурам пустыни Наска, его можно разглядеть только с воздуха. На вершине горы найдена пещера. Может быть, в этой пещере отдыхал Моше, а через много веков Илия, во время своих восхождений на гору Божью? Вообще, слово «вершина» не очень подходит к горе Карком. Скорее, это вытянутое плато длиной двенадцать километров. Разумеется, за время одного короткого восхождения невозможно увидеть даже малую часть чудес горы. Как тут не позавидовать археологам, проводившим на горе много дней и ночевавшим здесь под шатром звездного неба, не засвеченного городскими огнями!

А вот и совсем удивительные истории. Здешние горы и ущелья обладают необычными акустическими свойствами. Как-то раз Сефи поднялся на вершину горы (правда, не горы Карком, а соседней) и громко прочел десять Заповедей. Его голос был слышен на расстоянии нескольких километров, можно было разобрать каждое слово! Во время другого похода на гору он увидел одинокое облако в форме столба, которое неожиданно появилось над вершиной горы, пролилось дождем над определенным местом (вокруг было сухо!) и через некоторое время исчезло. На том месте, куда пролился необычный дождь, нашли следы огня, горевшего здесь много веков назад. Сефи считает, что так Бог указал ему место, где Моше увидел горящий куст терновника...

К этим рассказам можно относиться по-разному. Но существуют многочисленные сугубо научные доводы в пользу того, что гора Карком — действительно библейская гора Синай. Автор этой гипотезы и первый исследо-

ватель

горы — итальянский археолог Эммануэль Анати. Его аргументы убедили даже Папу Римского: Ватикан признал гору Карком святым местом!

Мы покидаем гору Карком... У ее подножья для нас приготовили трапезу «в стиле Авраама»: козий сыр, лепешки, финики... «А знаете, — говорит Сефи, — «На этой горе не бывает случайных посетителей. Все, кто сюда приходит, уже были здесь — тогда, вместе с Моше...»

Мы писали эту статью со сложным чувством. Нам хотелось, чтобы как можно больше людей узнали о горе Карком и вошли на нее. Но мы понимаем, что именно ее труднодоступность сберегла в течение веков и тысячелетий ее сокровища. Говорят, на горе

Карком уже есть наскальное изображение Микки-Мауса... Наверно, его автору было забавно думать, что когда-нибудь об этом «шедевре» напишут: «Культовое изображение местного зооморфного божества; конец второго — начало третьего тысячелетия н.э.». Но все-таки, сюда должны приходить только те, у кого при встрече с древними камнями звучит в душе «голос тонкой тишины»: «Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая...»

Р.С. Во время молитвенной поездки в Израиль, которая состоится с 15 по 29 апреля 2007 года, одним из мест посещения станет гора Карком, к которой группа молитвенников отправится на джипах через пустыню Негев.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД «ЭВЕН-ЭЗЕР» ИНФОРМИРУЕТ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «ЗОВ СИОНА» О СЛЕДУЮЩИХ ДАТАХ ПАЛОМНИЧЕСКИХ ПОЕЗДОК В ИЗРАИЛЬ ДЛЯ ВЕРУЮЩИХ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ЦЕРКВЕЙ НА 2007 ГОД:

Июнь — 15-ти дневный международный тур и тур для христиан-бизнесменов «За четыре моря». Экскурсии по всему Израилю с посещением Иордании (древняя Петра). Отдых в Эйлате, Нетании и на Мертвом море. Молитвы, прославление Господа, бизнес-конференция.

Июль — 14-ти дневная молодежная поездка «Июльский экстрим». Поездка для молодежи, где наряду с духовной программой будет предложен активный отдых: подъемы в горы, спуск по водопадам, дайвинг, путешествие на верблюдах, ночь в пустыне и пр. Купание в четырех морях Израйля.

Ноябрь — Поездка для пасторов и служителей полного времени «От Завета к Завету». 10-ти дневная духовная поездка в одно из самых лучших времен года в Израиле. Встречи с поместными церквами. Отдых на Мертвом море.

Декабрь 2007-Январь 2008 — Поездка «Новый год и Рождество на Святой земле». Отдых и экскурсии. Встреча Нового года в Иерусалиме и Рождества в Вифлееме. Катание на лыжах на Хермоне. Отдых на Красном и на Мертвом морях. 14 дней.

ПРИГЛАШАЕМ НА НАШИ ПОЕЗДКИ!

Подробности и детали см. на сайте:

www.newpilgrims.ru

Телефон для справок: (495) 253-66-66

Знакомим вас со статьей Ирины МАРУЩЕНКО, лидера Самарского офиса фонда «Эвен-Эзер», которая познакомит вас с неизвестными страницами религиозной жизни Израиля времен Иисуса.

Ессеи

Ирина МАРУЩЕНКО,
лидер Самарского офиса
фонда «Эвен-Эзер»

Во времена Иисуса Святая земля буквально была переполнена различными религиозными течениями, всевозможными сектами и культами, большое число которых появилось из-за рубежа в результате Римской оккупации Палестины. Среди этих учений и направлений христианская традиция, пусть только по названию, знает школы саддукеев и фарисеев. Третьим крупнейшим течением в иудаизме в ту эпоху было движение ессеев, наши представления о котором выглядят гораздо более туманными и менее конкретными.

В Новом завете нет ни единого упоминания о ессеях, но мы достаточно знаем об этом ордене благодаря записям Филона Александрийского и Иосифа Флавия, а также Кумранским рукописям, обнаруженным после 1947 года в пещерах-хранилищах вблизи Мертвого моря. Название *ессей* (*ессен*) ведет свое начало от семитского слова *хасид* — *благочестивый, набожный*.

Ессеи жили обособленно — в селениях или в пустынях, они продолжали исповедовать иудейскую религию, но по-своему, отлично от других школ. Ессеи называли себя *нищими, сынами света*, а также *простоцами* и *немудреными* — в противоположность *таннаим*, которые толковали законы. Иосиф Флавий пишет о ессеях: «Имущество у них общее, и богатч пользуется у них не большим, чем ничего не имеющий бедняк [...]. Живя сами по себе, они обслуживают друг друга. Для заведования доходами и произведениями почвы они с помощью голосования избирают наиболее достойных лиц из священнического сословия; последние и должны заботиться о доставлении хлеба и прочих съестных припасов». Иосиф Флавий сообщает: «Они презирают богатство, и достойна удивления у них общность имущества, ибо среди них нет ни одного, который был бы богаче другого. По существующему у них правилу, всякий, присоединяющийся к секте, должен уступить свое состояние общине; а потому у них нигде нельзя видеть ни крайней нужды, ни блестящего богатства — все как братья владеют одним общим состоянием, образующимся от соединения в одно целое отдельных имуществ каждого из них. Они выбирают лиц для заведования делами общины, и каждый без различия обязан посвятить себя служению всех. Всякое произнесенное ими слово имеет больше веса, чем клятва, которая ими вовсе не употребляется, так как само произнесение

Путешествие в деревню ессеев

ее они порицают больше, чем ее нарушение. Они считают потерянным человека того, которому верят только тогда, когда он призывает имя Бога». Преимущественно они посвящают себя изучению древней письменности, изучая главным образом то, что целебно для тела и души; по тем же источникам они «знакомятся с корнями, годными для исцеления недугов, и изучают свойства минералов».

Плиний Старший о ессеях (Esseni) сообщает: «С каждым днем их число увеличивается из-за появления множества уставших от жизни пришельцев, которых ведет рука судьбы к [ессейским] обычаям». Однако вступить в общину было нелегко, ибо желающие это сделать проходили испытательный срок в течение двух (согласно Уставу Кумранской общины) или трех (согласно сообщению Иосифа) лет. По истечении этого срока общее собрание выносило решение о принятии кандидата в общину, и новый ее член передавал общине «все знание, труд и имущество». У Иосифа Флавия мы находим еще одну подробность: «Желающий присоединиться к этой секте не так скоро получает доступ туда [...]. Прежде чем он начинает участвовать в общих трапезах, он дает своим собратьям страшную клятву в том, что он будет почитать Бога, исполнять свои обязанности по отношению к людям, никому ни по собственному побуждению, ни по приказанию не причинит зла, будет ненавидеть всегда несправедливых и защищать правых; затем, что он должен хранить верность к каждому человеку, и в особенности к правительству, так как всякая власть исходит от Бога. Дальше он должен клясться, что если он сам будет пользоваться властью, то никогда не будет превышать ее, не будет стремиться затмевать своих подчиненных ни одеждой, ни блеском украшений. Дальше он вменяет себе в обязанность говорить всегда правду, разоблачать лжецов, содержать в чистоте руки от

Деревья ессеев

воровства и совесть от нечестной наживы, ничего не скрывать перед сочленами; другим же людям, напротив, ничего не открывать, даже если пришлось бы умереть за это под пыткой. Наконец, догматы братства никому не представлять в другом виде, чем он их сам изучил, удержаться от разбоя и одинаково хранить и чтить книги секты и имена ангелов. В совет кумранской общины входили три священника и двенадцать рядовых верующих. Ессеи трудились настолько усердно и зарабатывали так много, что могли обеспечивать не только себя, но и выделять из своего избытка нуждающимся.

В ессейских общинах существовали свои Уставы. За любое нарушение его правил виновник нес наказание: непочетное место во время трапезы, сокращение пищевого пайка, запрет членам общины с ним общаться, изгнание из общины. Впрочем, обычно раскаивавшийся виновник, «дух которого дрогнул», после некоторого испытательного срока мог снова стать полноправным членом общины.

О мировоззрениях ессеев Иосиф Флавий пишет: «Они именно твердо веруют, что, хотя тело тленно и материя не вечна, душа же всегда остается бессмертной; что, происходя из тончайшего эфира и вовлеченная какой-то природной пленительной силой в тело, душа находится в нем как бы

в заключении, но, как только телесные узы спадают, она, как бы освобожденная от долгого рабства, весело уносится в вышину [...]. Они думают, что добрые, в надежде на славную посмертную жизнь, сделаются еще лучшими; злые же будут стараться обуздать себя из страха перед тем, что если даже их грехи останутся скрытыми при жизни, то, по уходе в другой мир, они должны будут терпеть вечные муки.

Ессеи придерживались мистически окрашенных взглядов, в отличие от других школ иудаизма. Кроме того, они большое внимание уделяли тому, что на современном языке принято называть «эзотерическими учениями», такими как астрология, нумерология и тому подобные дисциплины, из которых в последствии сформировалась каббала. Иосиф Флавий в «Иудейской войне», писал о них: «Некоторый из них утверждают, что после многолетнего изучения священных книг, всевозможных очищений и изучения изречений пророков, они обретают способность предсказывать будущее; в самом деле, их предсказания почти всегда оказываются верными». Кроме мистической ориентации взглядов, ессеям была присуща вера в возможность прямого личного общения с Богом, а не скрупулезная приверженность догмам и букве Закона. Подобные взгляды делали по сути излишним институт священнической иерархии как посредника и интерпретатора между Богом и человеком.

Утверждения о том, что ессеи якобы придерживались безбрачия, восходит к Иосифу Флавию, однако даже он явно противоречит себе, говоря, что среди ессеев было немало состоявших в браке. Что же касается Свитков Мертвого моря и других достоверных материалов о ессеях, в них нет никакого упоминания о безбрачии. Наоборот, среди свитков Мертвого моря, найденных на развалинах Кумранской общины найдены особенные правила, касающиеся членов секты, которые состояли в браке и имели детей. На соседнем кладбище, граничащим с восточной

стенной Кумранской общины, найдены захоронения женщин и детей.

Что же касается мнения, что ессеи избегали всякого насилия, то существуют важные свидетельства, опровергающие его. После захвата и разрушения Иерусалима римлянами в 70 г. н. э. оккупанты целенаправленно погасили все очаги сопротивления израильтян, за исключением одного единственного — крепости Масада на берегу Мертвого моря. И лишь в 73 г. н. э., не в силах противостоять угрозе штурма со стороны римлян, защитники крепости совершили массовое самоубийство. Считается, что защитники крепости Масада были зилоты. Иосиф Флавий, лично присутствующий при осаде крепости, называет их сикариями.

В своем рассказе о взятии крепости Иосиф Флавий говорит, что после осады в живых остались две пожилые женщины и пятеро детей, спрятавшихся в «подземных пещерах». Именно его перу принадлежит рассказ о пламенной речи, произнесенной вождем осажденных перед тем, как те совершили массовое самоубийство. Неудивительно, что его речь в значительной мере носила националистический характер. Однако в целом ее тональность была преимущественно религиозной. А религиозная ориентация, выраженная в ней по духу совершенно есеейская. Многочисленные археологические свидетельства подтверждают эту точку зрения. Когда в 1960-е годы на развалинах крепости Масада проводились раскопки, были найдены документы, аналогичные обнаруженным в общине ессеев в

Кумране. Между тем и Кумранские ессеи отнюдь не были кроткими пацифистами. В их общине была найдена кузница для изготовления оружия. Наконечники стрел и тому подобные предметы обнаруженные среди кумранских руин, свидетельствуют, что обитатели Кумрана также давали римлянам вооруженный отпор.

Известно, что учение Иисуса во многом близко взглядам фарисеев. Но еще ближе оно к воззрениям ессеев. Вряд ли можно сомневаться в том, что Иисус был знаком с учением и практикой ессеев, — в том числе и, как пишет Иосиф Флавий, «постоянное участие в диспутах с пророками». Также нужно упомянуть о так называемом Мессиаанском уставе ессеев, найденном в Кумране. Приведем интереснейшую выдержку из Мессиаанского устава, во многом напоминающую евангельское описание Тайной вечери: «Они должны собраться за общим столом, чтобы есть и пить новое вино... никто не должен протирать руку свою к началкам хлеба и вина прежде Священника... поэтому и Мессия Израиля прострит руку свою над хлебом». Также, в соответствии с этим уставом, все мужчины общины должны ожидать, пока им не исполнится двадцать лет, прежде чем вступить в брак. По достижении тридцатилетнего возраста они считались вполне зрелыми и принимали посвящение.

Возможно, следует прислушаться к мнению известного востоковеда Уильяма Фоксвелла Олбрайта, который еще в 1956 году на специальном симпозиуме, посвященном кумранским проблемам, в своем выступлении сказал: «Мы вынуждены сейчас признать в качестве исторического факта, что многое из религиозной практики первых христиан новозаветного века было заимствовано из соответствующей практики ессеев. В особенности это верно относительно организации раннехристианских общин с тенденцией к общинной собственности со следами управления двенадцати избранных.

При всем сходстве ессеяского ордена, который к началу нашего летоисчисления

насчитывал около четырех тысяч человек и первых христианских общин, они имеют существенные различия. Христиане, как и ессеи, отрицали богатство и жили по коммунистическим законам. И те и другие даже имели общие наименования — *эбиониты* и *сыны света* (Мф.5:14). Ессеи, как отметил И. Д. Амосин, сыграли как бы посредническую роль между ортодоксальным иудаизмом и христианством.

С другой стороны, у нас, однако, нет оснований отождествлять ессеев и христиан. Христиане не в такой степени чтити Шаббат (Мф.12:1-8) и пост (Мф.9:14) и стремились к распространению своей веры путем миссионерских путешествий, тогда как ессеи не выходили за пределы своей общины. У кумранитов, в частности, обрядов и правил было не меньше, нежели у фарисеев. Кумраниты строго хранили Шаббат и, в отличие от Иисуса, думали, что в этот день даже вытащить скотину из ямы — великий грех. Иисус шел ко всем обездоленным и презираемым, а Устав общины учил о «вечной ненависти к людям погибели», как называли практически всех, кто не принадлежал к секте. В нее, согласно уставу *Две колонки*, не допускали лиц с телесными недостатками. Строгая иерархическая дисциплина, изоляционизм, постоянное изучение Торы, — вот чем характеризовалась жизнь в Кумране. Если принять во внимание факт, что в эти времена в Палестине существовало множество различных культов, то такая аскетическая отделенность ессеев становится вполне понятным желанием сохранить свое благочестивое учение. «Избранники» были убеждены, что при наступлении Суда Божия спасутся только они. Более того, они надеялись принять участие в войне против «сынов тьмы» и заранее планировали свои действия в день эсхатологической битвы.

Статья подготовлена по материалам:

Бейнжент М., Ли Р., Линкольн Г.

«Мессиаанское наследие»;

Хазарзар Р. «Сын Человеческий»

В нашем журнале мы знакомим вас с творчеством неизвестных многим великих еврейских писателей, художников, музыкантов. Сегодня вы познакомитесь с судьбой знаменитого еврейского художника Лазара СЕГАЛА.

Вечный странник Лазарь Сегал

Корабль иммигрантов

Его называли — да и сам он называл себя — вечным странником. Может быть, потому, что отождествлял себя с народом, из которого вышел и который считал своим до конца дней, народом вечно гонимым, странствующим. Но и потому еще, что сам тяготел к вечному движению, к поиску нового, в каждой своей ипостаси оставляя след значительный, несмыслимый, какой оставить может только большой художник. Лазарь Сегал — имя мирового звучания и значения. Сегал почитается художником и бразильским, и немецким (ведь он был в числе провозвестников немецкого экспрессионизма), и еврейским. Одним из лучших мастеров иудаики прошлого века.

«Под полной луной мудрецы этого местечка убежали в свое тихое гетто, чтобы соединиться в горячей молитве для еще более далекого путешествия сквозь враждебную ночь», — так описал картину Сегала глашатай экспрессионизма, поэт и художественный критик Теодор Деблер, предрекший двадцатилетнему парню, чей талант был очевиден, мировую славу. «И это будет трудное путешествие к славе», — добавил тогда в Дрездене российский академик Леонид Пастернак, тоже покинувший охваченную революционным пожаром и чадом Россию.

Неудивительно, что имя Сегала в советские десятилетия замалчивалось, как и имена великих Сутина, Шагала, Цадкина, Кандинского. Еще бы! Эмигранты, беглецы, предатели, еще и посмеившие где-то там, «за бугром», прославиться!

Родившийся в бедной семье виленьских евреев Сегал рано ощутил себя художником. Учиться начал «на казенный кошт» в родном Вильнюсе (в Академии рисунка, где незадолго до него учился Сутин), потом в знаменитом Дрезденском институте искусств, преподавателем которого стал в 20 лет. Вместе с Отто Ланге, Конрадом Феликсмюллером, Лионелем Файнингером, Василием Кандинским Сегал создал в живописи особый язык экспрессии, а соединив немецкий экспрессионизм с традициями импрессионистическими, добавив соль символизма и жгучий перец примитивизма, выработал свой неповторимый стиль, стиль Сегала, проявивший себя уже в раннем полотне «Вечные странники».

В молодости его носило по всей Европе, потом добрался до Бразилии, борясь с собой, вернулся в Вильнюс, поработал в Берлине, побывал в Питере, где успел выставить свои авангардистские работы, вызвавшие взрыв откликов. В Вильнюсе написал незабываемые, никем на столь высоком уровне не повторенные урбанистические пейзажи, подчеркнув бездушную красоту города и уродство его гетто. Занесло его снова в Дрезден, где сделал серию интересных рисунков. Это и карандашные наброски, послужившие позднее эскизами к знаменитой «Вдове», воспринимаемой как символ женского одиночества и тоски. Страшной, тяжелой, как чугунная гиря. Мне ли, испившей горькую чашу вдовства, не понять беззвучный рассказ Сегала о той, что потеряла любимого, а значит, потеряла все. Но удивительно, как сумел художник сквозь вязь линий, сквозь давящий черный цвет и сгустки отчаяния прорисовать

чуть заметные, едва проклюнувшиеся ростки надежды. Во взгляде слезами наполненных глаз, в готовящемся жесте бессильно заломленных неподвижных рук. Нет, не приходилось встречать такой драматичной, эмоциональной графики, такой динамики души.

В первый раз увидела я этот ошеломивший меня шедевр несколько лет тому назад, когда в нью-йоркском Еврейском музее проходила выставка работ Сегала, представленных сегаловским музеем в Сан-Паулу, а потом — на стенде этого музея, во время недавней памятной поездки в Бразилию, где Сегал почитается как один из лучших художников, а творения его — как национальное достояние; музей же именуется государственным.

Уже в Бразилии, куда художник уехал в 1924 году и где окончательно осел, и была написана «Вдова». Боль своей юности Сегал привез с собой. Передо мной — мастерски выполненная, невероятно экспрессивная литография «Боль»: взывающая к небесам о помощи, исторгающая крик отчаяния женщина. Лицо ее сиянно красотой и разумом, но искажено этой страшной болью — душевной, истязавшей. А рядом — не менее выразительная литография; кажется, она объясняет, что стало причиной неизбывного горя истерзанной молодой женщины. Вот они, «Головы», теснящиеся между гробами, четкие, сплетающиеся в траурный узор линии — воспоминания о погроме.

И вот уже на новом витке понимания художником его новой страны, ее изменчивой души, ее людей с их бедами, с их трудной и голодной жизнью под звуки несмолкающей самбы появляется «Красный холм». Это картина возведена бразильцами в ранг культа. Бразильская черная мадонна с младенцем по-шагаловски вознесена на крышу дома, но она не парит, а по-земному прочно уселась, прижимая к себе сынишку и не пряча ни гордой своей стати, ни бьющей через край сексуальности. Облака вьются своеобразным нимбом над ее головой, а стройные пальмы оберегают святое ее материнство.

— Не это ли полотно дало повод называть Сегала бразильским Шагалом? — обращаюсь я сразу к трем моим собеседникам — сотрудникам сегаловского музея Селене Кунито, Фаусто Кобралу и Роберте Кутиныю.

— Лишь в определенной степени, — говорит Роберта. — Это прозвище — не гипербола, бразильцы хотят подчеркнуть свое огромное уважение к творчеству одного из самых знаменитых и ценимых своих художников. Его картина — воплощение гордой и мятежной души нашего народа. И еще — это апология бразильской женщины, гимн ее красоте, трудолюбию, умению любить и жертвовать.

Апофеозом творчества Сегала стал набатно прозвучавший по всему миру «Погром». Написанный в 1937 году, он обратил внимание сонного человечества на начавшееся в гитлеровской Германии тотальное уничтожение евреев — убитые дети, замученные старики. Слово «погром» перестало нуждаться в переводе и вошло не только в португальский, но и во многие другие языки. Гитлер приказал внести имя Лазара Сегала в списки врагов рейха.

М. Шкляревская-Кручкова, www.sem40.ru

Бразильский пейзаж

Еврейская мудрость

Всевышний создал человека из земли, а душу человеческую — из неба, дабы небо и земля не враждовали друг с другом.

Еврейская пословица

Хотим познакомить вас с еще одним замечательным рассказом д-ра Рины Неер. Примите его, как наш подарок к замечательным весенним еврейским праздникам.

д-р Рина Неер

Талит

и стиральная машина

В доме все вверх дном: маленький комод из ванной выставлен в гостиную, табуретки из кухни — в столовую.

— Осторожно, дети, посторонитесь, ее поднимают вверх...

И вот два грузчика на сильных руках втаскивают в квартиру семьи Бадер белое блестящее чудо. Но самое тяжелое еще впереди: чудо нужно установить, подложить под него доски, подсоединить к электропроводке. Двое детей на цыпочках, чтобы их не заметили, подходят как можно ближе к сказочному месту, куда поставят стиральную машину. Ясно, что ни о каких домашних заданиях речи быть не может; подготовка к контрольной по истории для Дины вдруг потеряла всякое значение; ну, а Бум вообще забыл, что существует школа.

Кто такой Бум? Авигдор, разумеется, младший брат Дины. От горшка два вершка, кругленький, как шарик, курчавый, как пудель и хитрющий, как лиса. Авигдор — имя слишком длинное и сложное, потому все называют его Бум, и это прозвище для него в самый раз.

Буму только что исполнилось семь лет. Все говорят: «Уже большой мальчик!» И так часто ему об этом напоминают, что он, наконец, решил, будто большому мальчику, которому целых семь лет, уже нечему (или почти нечему) учиться у взрослых, и он может жить, как хочет. Нужно ли вам говорить, что одиннадцать лет Дины не производят никакого впечатления на нашего героя, который чувствует свое превосходство перед женщинами, смешанное с пренебрежением. Напрасно Дина подчеркивает двузначную цифру своего возраста (одиннадцать лет это вам не фунт изюму!) — Бум ни за что не станет с ней играть, если только она не согласится на роль низших существ: лошади, когда он кучер, ягненка, когда ему охота быть волком и все крушить на своем пути, что случается довольно часто.

Госпожа Бадер велит сыну идти к себе в комнату, но Бум даже не думает двинуться с места и не отрывает глаз от стиральной машины. Прошло два часа, грузчики ушли, мама с Диной ставят на место вещи в ванной, а Бум все еще стоит как зачарованный, не шевелясь, словно у него руки и ноги отнялись, и смотрит на белое чудо.

На старинных с позолотой часах, стоящих в прихожей, пробил семь, и почти сразу же в дверях повернулся ключ. Бум бросился

со всех ног, мгновенно снова ставших, как у лани, встречать папу. С мамой и Диной наперебой он выкрикивал что-то похожее на : «Она уже на месте, ее уже привезли, идем, посмотришь!»

Господин Бадер — человек обстоятельный и степенный. Напрасно Бум тащил его в ванную за один рукав, а Дина — за другой. Пока он ни повесил пальто на вешалку и ни положил шляпу на полочку, пока ни пригладил волосы щеткой, специально положенной тут же, чтоб удобно было взять, он не пошел ничего смотреть.

Теперь, когда ритуал был исполнен, господин Бадер согласился, наконец, войти в ванную с женой, которой он преподнес ко дню рождения это чудо.

Господин Бадер для приличия произнес несколько слов восхищения, но было очевидно, что великолепие сверхсовременной стиральной машины оставляет его равнодушным. У господина Бадера не было хозяйственной жилки. Действительно, только потому, что жена уже пять лет стирала от желания приобрести это последнее слово техники, он милостиво согласился, наконец, выделить деньги на покупку. Но он вовсе не разделял восторга жены и детей и, не задерживаясь в ванной, увел всех к столу, поскольку был очень голоден. Не успели все вымыть руки, как на столе уже, будто по мановению волшебной палочки, дымился суп.

Дети были ужасно разочарованы: они хотели, чтобы в машину сразу положили белье — интересно же посмотреть, как это чудо работает.

За супом Бум, большой смельчак, решился спросить, можно ли после обеда запустить машину.

— Не к спеху, — ответил папа. — Успеее посмотреть, когда маме нужно будет стирать.

Тут две пары глаз с мольбой усталились на маму, которой так же, как и детям, не терпелось обновить свою огромную игрушку.

— Если будете себя хорошо вести и помогать мне в стирке — посмотрим.

«Посмотрим», как вы знаете, на языке всех мам значит: «Ну, конечно».

Бум и Дина стали вдруг образцом послушания и аккуратности: ни пятнышка на скатерти, ни крошки на полу, Бум даже не вылизывал тарелку из-под пудинга — отказался от удовольствия, за которое обычно получал шлепки. Нет, в тот вечер

даже самые строгие родители не нашли бы к чему придраться.

Молниеносно в шесть рук убрали со стола. И пока папа читал газету, пыливая трубой, в кухне кипела работа.

— Рекорд по скорости мытья посуды, — закричала Дина, ставя в буфет последнюю стопку тарелок, и все ринулись к чуду.

Полная надежд, взволнованная мадам Бадер сегодня стирает не затевала, хотя обычно по понедельникам с семи утра слышно было, как она намыливает, полощет, отжимает. Она была почти уверена, что сегодня привезут машину, и ее действительно привезли.

Вот и белье уже собрано, теперь — повернуть ручки, нажать кнопки. Мама сосредоточенно читает ту страничку инструкции, где даются объяснения, как запускать машину. Мадам Бадер немного волнуется: хоть дело и несложное, но если нажать не ту кнопку, все белье будет порвано.

«Если бы муж разбирался в технике, он мне помог бы».

Но господин Бадер разбирается в праве. Он знает все кодексы: гражданский, уголовный — какой угодно, а в винтиках и болтах ничего не понимает. Бум же еще мал, несмотря на свои полные семь лет.

Наконец, когда прошло минут пятнадцать тщательных исследований, проб и внутренней тревоги, госпожа Бадер решилась положить белье в машину. Закрыто, ручка повернута — есть! Мотор работает. Еще кнопка, потом еще; время каждой операции точно указано в инструкции. Томительное ожидание... Наконец, мотор останавливается.

Мама поспешно вынимает белье: одно полотенце, другое, еще одно, еще... Ничего не порвалось, все белое, как снег! Мама сияет, дети скажут от радости.

— Теперь можно играть и в пыли, и в луже — ты ничего не скажешь!

Бум в восторге от такой возможности, он обожает шлепать по лужам и залезать на мешок с углем, выставленный на продажу у соседнего дома.

— А сейчас — в кровать, — сказала мама, — уже поздно.

И на сей раз, дети в рекордные сроки разделись и умылись. Каждый в своей постели прочел молитву, мама их поцеловала и, выходя из комнаты, потушила свет. Но неужели вам может прийти в голову, что в такой вечер, когда только что впер-

вые работала стиральная машина, им хотелось спать?

— Дина, ты спишь?

— Нет, а ты?

— И я не сплю. О чем ты думаешь?

— О папином талите. А ты?

— О том же самом, потому что папа вечно жалуется, что талит стал уже не таким белым.

— Угу. А что, если сделать папе сюрприз и выстирать талит в машине? Вот увидишь, он станет снова белым-белым.

Блестящая мысль, но нужно, чтобы сюрприз был настоящим — поэтому мама с папой ничего не должны знать.

— Подождем, пока они уснут, и постараемся не наделать шуму.

Дети прислушиваются к малейшему звуку в доме. Вот скрипит дверца шкафа: это мама достает коробку с рукоделием.

— Не повезло, — авторитетно заявляет Бум, — она теперь как начнет штопать — так на час, не меньше.

Но, видно, дырки на носках были маленькие, потому что и четверти часа не прошло, как дверца шкафа снова заскрипела.

— На этот раз она быстро кончила, — сообщила Дина.

Потом плеск воды в ванной, потом папа обходит всю квартиру, выключает газ (еще счастье, что стиральная машина работает на электричестве) и, наконец, папа и мама, видимо, ложатся спать.

— Папа сегодня усталый, — сказал Бум, — через пять минут уснет, как убитый. А мы это живо проверим: послушаем под дверь, захрапел ли он уже.

Через минуту дети встали, набросили халаты, влезли в комнатные туфли и пробрались в ванную. В прихожей Бум достал из шкафчика чехол красного бар-хата, куда папа складывает свой красивый талит, подаренный ему в Израиле. Талит уже немного пожелтел, но все равно был красивее старого — того, что стал чуть ли не прозрачным от частого употребления: господин Бадер ежедневно надевал его для молитв, а получил его, как полагают Бум, на бар-мицу. Иерусалимский же талит, который папа получил от дяди Сами, когда гостил в Израиле, он берег больше, надевал только по субботам. На левой стороне была пришита маленькая бирочка с именем торговца, который его продал, и папа ею ужасно гордился. Но талит стал

уже не первой свежести, что папу очень огорчало.

— Увидишь, как папа будет доволен сюрпризом в субботу!

Бум вынул из чехла большой шерстяной талит с черными полосами и с цицит по четырем углам.

— Думаешь, мы сумеем ее запустить? — все-таки побаивалась Дина.

Бум же был воплощением уверенности. Он в механике разбирается больше папы. Положили талит в машину, повернули ручку. Только бы не проснулись папа и мама. Несколько томительных минут; нет, в спальне родителей все тихо, значит, опасность миновала.

С инструкцией в руках Дина следит за каждой операцией. Бум положил руку на чудо, словно хочет задобрить его лаской. Через полчаса Дина дает команду выключить машину. Бум послушно выполняет приказ, и гудение мотора стихает. Открывают машину и вынимают... жалкие лохмотья! Дина заливается слезами. Какой ужас! Бум, человек более сдержанный, наклоняется посмотреть, что там могло произойти, и в отчаянии убеждается; что длинные красивые цицит попали в барабан, застряли там, и поэтому произошла трагедия.

— Как же мы, дураки такие, не подумали, что цицит застрянут, — плачет Дина. — А еще хотели сделать папе приятный сюрприз!

Бум, несмотря на «суровый» вид, тоже готов разреветься. Ну и головомойка будет! У него уже мурашки бегут по спине. Папа так любил этот талит из Израиля! Что делать?

Бум не из тех людей, кто ждет, сложав руки, пока грянет гром.

— Надо сделать что-нибудь, пусть невозможное, но нельзя допустить трагедию, — говорит он. — Не плачь, Дина, что-нибудь придумаем.

Дина громко всхлипывает, вытирает глаза носовым платком и еще пуще заливается слезами:

— Ничего нельзя придумать. Где ты возьмешь талит из Израиля?

— Где нужно, там и возьму, — отвечает Бум, принимая героическое решение. — Поеду в Израиль.

— Ты совсем рехнулся, — говорит старшая сестра, которая от изумления перестала плакать. — Как ты поедешь в Израиль? Скоро все раскроется, и папа тебя

не пустит, это очень дорого. Лучше я возьму иголку и попробую сшить куски.

— Глупая девчонка! Сшить куски талита! Надо же такое сказать! Ты что думаешь, папа с удовольствием будет молиться в твоих сшитых кусках! Положись на меня, я мужчина, соображаю лучше тебя. Давай приведем здесь все в порядок и пойдем спать. Только сначала я должен набить чехол бумагой и положить на место. Папа ничего не заметит, потому что до субботы не будет его трогать. А к субботе я вернусь. Твое дело — молчать, и обо мне не беспокоиться. Только споры бирочку с фамилией торговца в Иерусалиме и дай мне.

Через минуту дети уже лежали в постелях. Дина, не колеблясь, позволила брату взять из копилки ее деньги и присоединить к тем, что он получил на день рождения от бабушки и дедушки. Вместе получилось шестьдесят франков, и Дина понимала, что это безумие — хотеть на эти деньги поехать в Израиль. Под конец, веря в своего брата и хорошенько поплавав, она уснула.

В семь утра вся семья уже встала и собралась за завтраком.

— Совсем забыл вам сказать вчера, — обратился Бум к родителям жизнерадостно. — Михаэль Зини просил меня остаться у них ночевать сегодня. С этой стиральной машиной я все на свете забыл. Вы позволите? Понимаете, у них уже с самого воскресенья есть телевизор, я хочу посмотреть, это — еще интересней, чем стиральная машина.

Михаэль Зини — закадычный друг Бума. В классе они не расстаются, и часто в субботу или в воскресенье Михаэль проводит у Бума целый день, а иногда и ночует, и наоборот. Семья Михаэля Зини действительно живет далеко. Но у господина Зини есть машина, и по утрам он отвозит сына в школу имени Рамбама, а вечером забирает оттуда. Обедает Михаэль в школе, впрочем, как и Бум, у которого нет времени ходить домой на обед, хотя он живет недалеко.

— А подождать до воскресенья ты не можешь? — замечает мама, которая не очень-то любит отпускать сына.

— Мама, это же телевизор! И потом сегодня замечательная программа!

Разрешение получено. Мама, оставаясь верной своим жизненным правилам,

кладет Буму в ранец мешочек на молнии, в котором пижама и зубная щетка в пластмассовом футляре.

— До завтра, дорогой, будь умницей. До вечера, Диночка, будь внимательной на контрольной по истории.

Дети целуют маму и уходят к метро. У Дины комок подступает к горлу, и она не осмеливается ни о чем спрашивать брата. Что он надумал, этот семилетний малыш, который заявляет, что поедет один в Израиль с шестьюдесятью франками в кармане, с пижамой, зубной щеткой и учебниками в ранце?

Недалеко от входа в метро стоянка такси. Бум останавливается.

— Дина, я уезжаю. До Орли — на такси. Смотри не выдай меня, я на тебя полагаюсь. Тебе нужно сделать только одно: завтра после школы скажешь маме, что Михаэль упросил меня опять пойти к нему посмотреть телевизор и остаться ночевать. Телефона у них нет, и мама не пойдет проверять. А в четверг я надеюсь вернуться. До четверга — ни звука. Обещаешь?

Дина целует брата и, ошеломленная, смотрит, как он садится в такси.

— В аэропорт Орли, у меня есть деньги.

Такси быстро уезжает, и Дина, тихонько плача, спускается на эскалаторе в метро.

Орли... Отправление самолета компании «Эр Франс» на Тель-Авив — в 10.00. Это написано большими буквами. Уже 8.30. С бьющимся сердцем Бум входит в служебное помещение.

— Мне нужно поговорить с пилотом самолета на Тель-Авив, я его двоюродный брат.

Девушка из справочного бюро смотрит на Бума, улыбаясь.

«Малыш не из робких» — думает она и, тронутая, уходит посмотреть, можно ли поговорить с пилотом. Через пять минут она возвращается.

— Иди через эту дверь, повернешь направо, потом налево, поднимешься на второй этаж и постучишь в комнату 63 в глубине коридора. Да ты один ни за что не найдешь, — добавляет она насмешливо, — я поднимусь с тобой.

— Нет, нет, мадемуазель, — возражает оскорбленный Бум, я — мужчина, мне семь лет, уже большой мальчик, и я очень сообразительный. Не беспокойтесь, я найду.

И, выпитив грудь, Бум уходит, а девушка не может сдержать хохота: ей в жизни еще не приходилось встречать такого бойкого малыша.

Направо, налево, потом лестница и, наконец, комната 63. Бум стучит в дверь. Таково одно из основных жизненных правил мамы, это не менее важно, говорит она, чем утром и вечером прочесть «Шма». Никогда не входи, не постучав!

Услышав «войдите», Бум открывает дверь.

Немного он все же растерялся, потому что сейчас-то и начинается первый «раунд» его необычайной затеи, а тут еще у пилота суровый вид, самый неприветливый, какой только может быть. Ничего не поделаешь. Была не была! Не дожидаясь, пока пилот начнет его спрашивать /тогда и с толку сбиться нетрудно/, Бум переходит в наступление — самая надежная тактика.

— Господин пилот, я не ваш двоюродный брат, и вы меня не знаете. Зовут меня Авигдор, и мне семь лет. Мне необходимо ближайшим рейсом добраться до Израиля, а почему — я не могу вам сказать, это большой секрет. У меня нет денег на билет, но даю вам честное слово, что через Сутки после того, как я прилечу, он будет оплачен!

Пилота такая сцена немного развеселила, и он улыбается. Бум чувствует себя обиженным.

— Это очень серьезно, господин пилот, я не шучу. Тут пилот как захохочет! Слышанное, ли дело?

Мальчуган два вершка от горшка и такой самоуверенный!

— Послушай, Авигдор, кроме того, что ты Авигдор, я о тебе ничего не знаю, ты же даже фамилии своей мне не сказал, неужели ты думаешь, что я запросто могу бесплатно взять в самолет кого хочу!

Я же сказал, что билет будет оплачен через двадцать четыре часа после того, как я прилечу.

— Твои родители хоть знают, что ты собрался лететь? И о каком таком «большом секрете» ты говоришь?

— У всех детей есть секреты, и вы должны знать, господин пилот, что они их взрослым не раскрывают; а мои родители знают, что я ушел к моему однокласснику на два дня, это правда. Я должен повидать в Израиле близкого друга.

— И через два дня ты вернешься?

— Конечно, господин пилот.

— А на какие деньги?

— Мой израильский друг заплатит за билет туда и обратно, я же уже дал вам честное слово, что моя поездка будет оплачена, чего ж еще нужно?

— Чего еще нужно, прохвост ты этакий?! Ты же не знаешь, что такое лететь самолетом и сколько бланков должны заполнить пассажиры и даже пилоты! Не могу я взять пассажира, имени которого компания не знает заранее!

— Надо же, какие сложности! — простонал Бум, готовый заплакать. Но он взял себя в руки и попытал последний раз счастья.

— Господин пилот, у вас есть сын?

— А что? Да, у меня, их даже двое. Старшему десять лет — само послушание, а второму семь, как тебе, и он почти такой же наглец, как ты, правда.

— Прекрасно, господин пилот, возьмите меня с собой, как будто я ваш сын. Ну, поверьте мне, что для меня это ужасно важно.

— А твои родители?

— Вы когда возвращаетесь в Орли?

— Завтра.

— Замечательно, господин пилот, завтра вы меня привезете назад, и прямо из Орли я поеду домой, вы сами видите, что это не бегство. Можете не спускать с меня глаз даже в Израиле, хоть по пятам за мной ходите, если хотите быть уверенны, что я не сбегу и что говорю вам правду.

Бум почувствовал, что победил. Пилот еще ничего не сказал, но покачал головой, ласково улыбаясь. Он провел рукой по курчавым волосам Бума, потрепал его по щеке, а минуту еще подумал и встал.

— Ладно, возьму тебя. Но уж не сомневайся, что, если не будешь себя вести, как обещал, не миновать тебе тюрьмы. Ну, ты уверен в себе?

— Еще как! — ответил Бум, обретя былую твердость, и в глазах у него засверкали искры.

Пилот Пьер Бернар без труда получил разрешение взять с собой «сына». В администрации несколько удивились, и девушка из справочного бюро проговорила: «Странно, что это его двоюродный брат, а оказывается — сын. Очень странно». Но никто ее не слышал.

Бум поднялся в самолет с пассажирами. Стюардесса прониклась к нему особой заботой и, показав на него пальцем, сказала пассажирам:

— Видите этого курчавого мальчугана? Это сын нашего пилота.

Все улыбнулись Буму, которого распырало от гордости не потому, что он сын пилота, а потому что он выиграл первый тур своей затеи.

* * *

Лод! В три часа дня самолет приземлился. Взволнованный до слез, Бум ступил на землю Израиля и поцеловал ее, поскольку видел в кино, что так делали первые иммигранты, сходя с парохода в Хайфе. Он подождал Пьера Бернара, чтобы не было никаких осложнений с формальностями при выходе, и вместе они покинули аэропорт.

— Теперь я тебя не отпущу ни на шаг, пока мы в Израиле. Наш уговор помнишь?

— Конечно. Мой друг живет в Иерусалиме, нам нужно туда. Одолжите мне денег на такси, а я вам их верну вместе с деньгами за билет.

«Шерут», маршрутное такси, еще стоял в ожидании пассажиров на Иерусалим. Бум с пилотом сели в него, и он быстро покатиł к Святому городу.

По дороге пассажиры, все израильтяне, разговаривали на иврите. Пьер Бернар не понимал ни слова. Бум кое-что понимал и внимательно прислушивался, чтобы уловить нить разговора.

Какое везение, подумать только! Кто-то заговорил о Бен-Цви!

— Ата макир Бен-Цви? — спросил Бум старого господина, упомянувшего это имя.

Старый господин обернулся к Буму.

— Ты говоришь на иврите? — удивился он.

— Немножко, — ответил Бум, у которого в запасе было не более ста слов. — Но я из Франции и по-французски говорю лучше.

Я тоже говорю по-французски, — сказал старый господин.

— Вы знакомы с Бен-Цви? — спросил Бум на сей раз по-французски.

— Да, мальш, я его друг.

— Скажите мне, пожалуйста, где он живет, у меня к нему срочное дело.

Пьер Бернар, старый господин и молодая девушка /она тоже понимала по-французски/, расхохотались. Этот мальш хочет срочно поговорить с президентом страны! Действительно смешно, и потому все смеялись, а старый господин потрепал Бума по щеке.

— Сегодня вечером? Тебе нужно поговорить с ним сегодня вечером?

— Непременно, — сказал Бум, — это очень важно, понимаете, очень, очень. Вот и господин Бернар, пилот нашего самолета, вам подтвердит. Ребенок, которого сопровождает пилот — это уже серьезно!

— Хорошо, — сказал старый господин, — тебе повезло, я прямо сейчас еду к нему.

Ну и ну! Бум почувствовал, как перед ним рушатся преграды с легкостью, на которую он и надеяться не мог. С бьющимся от радости сердцем он заметил на горизонте первые дома Иерусалима.

* * *

— Ицхак, я привел к тебе мальчонку, который хочет с тобой поговорить.

Старый господин представил президенту Бума, который — как человек воспитанный — остался ждать приглашения у Дверей. А на улице, перед домом президента стоял Пьер Бернар.

— Но тебе придется говорить с ним по-французски, иврит он знает еле-еле.

— Можно, — сказал президент, — если он будет говорить не слишком быстро. Как тебя зовут, мальчик?

— Авидор Бадер.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Я не могу вам объяснить на пороге, господин президент.

— Так входи, но у меня еще масса дел, кроме твоего, давай быстренько объясни, что ты хочешь.

Всю дорогу в самолете Бум думал о том, что он скажет Бен-Цви. По правде, говоря, ничего другого он делать и не мог, и теперь он без запинки рассказал президенту всю свою историю, начав с того рокового момента, когда в доме появилась

стиральная машина, и закончив не без волнения так:

— Вот и всё, господин президент. Надеюсь, вы будете ко мне добры. Одолжите мне на билет туда и обратно, а на талит для папы не надо, я привез с собой деньги из моей копилки и из копилки моей сестры Дины. Если вы не хотите давать мне такие большие деньги, потому что мне еще только семь лет, на улице стоит пилот самолета, на котором я прилетел, можете дать ему.

Бен-Цви был несколько ошарашен. Он позвал жену, чтобы посоветоваться с ней. В конце концов дело было скорей семейное, чем государственное. Госпожа Бен-Цви выслушала историю, которую ей вкратце пересказал муж наполовину по-французски, наполовину на иврите, и улыбнулась.

— Этот ребенок вполне мог бы быть саброй, он так же безудержно смел.

— Ты хоть пересядешь в Израиль, когда будешь большой? — спросил президент.

— Конечно, — ответил Бум, — приеду уже пилотом, я ведь хочу стать пилотом, тогда и верну вам долг.

— Если я еще буду, жив к тому времени. Ты знаешь, я уже очень старый.

— Могу вернуть вашим наследникам, — ответил Бум, который у своего папы почерпнул кое-какие познания в юриспруденции.

— Мои наследники — это все дети Израйля.

— Ладно, верну долг, работая в Израиле на весь наш народ.

— Этот ребенок в жизни не пропадет, — сказал президент жене, улыбаясь, — нужно ему помочь.

* * *

Вот каким образом Бум провел свою первую ночь в Иерусалиме в квартире президента вместе с пилотом Пьером Бернаром, который не согласился оставить его. А в кармане у него уже лежали деньги за билет туда и обратно...

С рассветом пилот и Бум были уже на ногах. Нельзя терять время. Самолет отправлялся из Лода в 12 часов, а Бум хотел еще хоть немного осмотреть Иерусалим.

Погуляв по улицам, друзья /ибо со вчерашнего дня между ними завязалась тесная дружба/ подошли к магазину, где Бум должен был купить знаменитый талит. Как только лавка открылась, он вошел и очутился среди гор аккуратно сложен-

ных талитов со свисающими друг на друга цидит. Рядом лежали горы ермолок всех цветов, а на самом верху — белые, расшитые золотом.

Бум пришел в восторг. Сначала он выбрал точно такой талит, как подарил отцу дядя. Талит стоил даже чуть меньше, чем Бум полагал. На оставшиеся деньги он не мог удержаться, чтобы не купить замечательную, белую ермолку, вышитую золотом. Папе или себе? Как решить? Так и быть, он купит две, взяв немного из денег, отложенных на такси в Орли. Пьер Бернар наверняка одолжит ему.

А что для Дины, его сообщницы? О! Вот чудная кукла в йеменском платье! Но она стоит слишком дорого. Хозяйка лавки, молодая женщина с ребенком на руках, заметила, как Бум огорчился, и улыбнулась. Она прекрасно говорит по-французски: несколько лет назад приехала из Туниса.

— Кому ты хочешь купить эту куклу?

— Моей сестре Дине, ей одиннадцать лет. Но на все у меня не хватит денег.

— Ничего, — говорит хозяйка, — бери. Заплатишь мне в следующий приезд. Ты же еще приедешь?

— Конечно, — говорит Бум, — когда стану пилотом, и если захотите, я возьму вашего ребенка бесплатно в самолет.

— Но тогда, с Божьей помощью, это будет уже не ребенок, а красивая девушка, — говорит молодая женщина.

— Ну, возьму ее в свой самолет, — говорит Бум, — и женюсь на ней. Как ее зовут?

— Юдит, а тебя?

— Авидор, но меня называют Бум и, думаю, скоро меня станут называть даже «Бум-бесстрашный».

— Значит, я вернусь и женюсь на Юдит.

— Пока что, Бум-бесстрашный, — смеется хозяйка, — бери свои покупки, а я должна дать моей шестимесячной Юдит бутылочку с соской.

* * *

Ровно в двенадцать самолет вылетает из Лода. Бум сходит снова за сына пилота, но на сей раз сына торжествующего и чувствующего себя свободно.

В Орли прибыли без приключений. Бум и Пьер Бернар попрощались как два закадычных друга и пообещали друг другу, что они обязательно встретятся. Автобус компании «Эр Франс» отвез Бума в Па-

риж /таким образом не пришлось заниматься на такси у пилота/.

У Дворца инвалидов он сел в метро, в одной руке — пакеты из Израиля, в другой — проездная карточка. Добравшись до дома, внизу у лестницы он увидел Дину, которая, плача от радости и волнения, бросилась его обнимать.

— Расскажи, как тебе удалось! Рассказывай!

— Сейчас некогда, папа вернется через полчаса, он не должен ничего знать. И мама тоже — во всяком случае не сразу.

Дети поднялись по лестнице, надеясь, что мамы еще нет. По средам она обычно навещает больных и приходит домой в семь часов, как и папа.

— Блеск! Она еще не вернулась!

Бум раскрывает пакет, протягивает Дине красивую куклу, кладет новый талит в бархатный чехол, вынув из него бумагу, сверху кладет белую ермолку, вышитую золотом, потом через столовую проходит в свою комнату. На столе лежит еще нераскрытая почта. Видимо, консержка принесла ее как раз, когда мама уже ушла. Бум с любопытством рассматривает конверты.

— Смотри, письмо из школы! Что бы это могло значить?

— Сообщают родителям, что ты пропустил занятия, — объясняет Дина, которая стала школьницей раньше него и, соответственно, больше пропустила занятий.

— Хорошо, что оно попало мне в руки, представляешь, что было бы, если бы мама его прочла!

В этот момент открывается дверь, и входит мама, а почти следом за ней и папа. Мама проходит в кухню, ничего не спросив у Бума. Обычно рассказывают, как прошел день, за столом. А раз Бум вернулся из школы после того, как ночевал у Михаэля Зини, значит, все в порядке. Мама быстро разогревает уже готовый обед.

— К столу! Живо к столу!

Папа хотел открыть дверь в ванную, но, по ошибке взявшись не за ту ручку, открыл шкафчик, где поверх бархатного чехла с талитом лежала белая ермолка, расшитая золотом.

— Откуда такая красивая ермолка, кто ее сюда положил? — спросил он и тут же ее надел.

— Наверняка какой-нибудь посланец прямо из Израиля, — сказал Бум с хитрым видом, что несколько озадачило господина Бадера.

За супом родители обычно читают вчерашнюю почту.

Письмо из школы. Что они от меня хотят? Ага, они сообщают, что ты вчера пропустил школу. Бум, тут какая-то ошибка.

— Нет, — отвечает Бум, краснея, — это правда.

— То есть как? — рассердился папа. — Что же ты вчера делал, безобразник?

— Я был в Израиле и купил тебе белую ермолку, расшитую золотом. Ночевал я в квартире президента Бен-Цви и посвятился к Юдит, которой шесть месяцев, но которая станет красивой девушкой, когда я стану пилотом и вернусь в Израиль. Тогда и папа с мамой, и Дина — все вы поедете со мной, мы поселимся в Израиле, купим стиральную машину, но израильскую, в которой можно стирать талит, не боясь, что цицит застрянут в барабане!

*Еврей, соблюдающий традиции, по утрам молится, накрывшись четырехугольным белым покрывалом, которое называется **талит**; к четырем углам талита прикреплены нити, завязанные особым образом, которые называются **цицит** — так предписывает Тора (Шмот, 15:37-41). Талит — очень важный предмет в традиционной еврейской жизни.*

В нашем журнале вы встречались уже с короткими историями, написанными горским евреем Вячеславом Израйловым (см. №40). Хотим познакомить вас с еще одной страничкой трудной, и час-то трагической судьбы этого стойкого и жизнелюбного человека.

Я люблю тебя, жизнь!...

В этот день, казалось бы, ничто не предвещало беды. Работа, дом, — все, как обычно. Но — нет! Проходя по знакомой улице, я увидел ларек, данный мне для ремонта в неузнаваемом виде: весь вывернут, внутри все сгоревшее, запах гари и ...труп. Труп человека, которого я знал. Меня охватил мгновенный шок. Я в недоумении... Человек, которому я дал ключи от ларька (ему негде было ночевать), несмотря на мое предупреждение, чтобы не было никаких ЧП, подвел меня и подвел к «пропасти».

Очень много судеб, которые нуждаются в поддержке, вот и я пытался помочь одному из таких, но обернулось все это для меня большой бедой.

Прошли дни. Я разыскал хозяина ларька и, вместе с ним, всех родных умершего. И каково было мое удивление, когда я встретился с ними?! Они вели себя абсолютно хуже чужих людей по отношению к умершему родственнику. Даже не хотели похоронить его, совершенно отказавшись платить за нанесенный ущерб и т.д.

Прошло еще несколько дней. Меня начал терроризировать хозяин ларька. Ему была ничем смерть человека, он только целенаправленно требовал деньги за свой ларек и деньги большие. Моя жизнь была под угрозой.

Многие, видя мое состояние, старались помочь мне набрать нужную сумму на компенсацию ларька. Скажу честно: мне не хотелось жить, зная, что такую сумму, которую востребовал хозяин ларька, я не смогу найти. Я был на грани срыва!

Но мир не без добрых людей. Случилось чудо. Один из моих знакомых (которого я, кстати, стеснялся попросить), принес мне большую сумму денег и сказал: «Вот, отдай ему, этому хозяину ларька (т.к. родственники умершего совершенно не хотят тебе помочь в этой ситуации), пусть от тебя отвяжется, а ты продолжай жить, невзирая ни на что!» Я выразил ему благодарность, но почему-то он меня перебил: «Не надо слов, это не «я» помогаю тебе, а твой **Бог**, твой — **Всевышний**! Бери деньги, а когда сможешь, тогда и вернешь!»

Вот тогда во мне, человеке скептически относящемся к Богу, что-то перевернулось. Я стал молиться, просить Бога о том, чтобы ОН берег меня от всех невзгод, вспомнив отца и мать; прошло уже много лет, как их не стало.

Ну, а что теперь? Жизнь продолжается. Нужно быть сильнее всех бед.

«Я люблю тебя, ЖИЗНЬ! И, надеюсь, что это взаимно!»

Вячеслав Израйлов

Письмо координатора Еврейского Агентства в Северной Осетии.

Много слов можно сказать об организации «Эвен-Эзер», и мне не подходит поговорка: «Краткость — сестра таланта», поэтому скажу следующее: «Эвен-Эзер» — прекрасные, чистые душой и сердцем люди, которые всегда готовы прийти на помощь, ни в чем не отказывая. И как приятно, когда нас с вами, мои дорогие евреи, окружают такие прекрасные люди. Счастья и много здоровья вам лично от меня и благополучия во всем!

И самое главное, — чтобы мы всегда были вместе, держась за руки, стоя в кругу.

На фотографии — ЦХОВРЕБОВА Ванда, координатор ЕАР г.Владикавказ.

4 марта — ПУРИМ

(от слова «жребий» — метод, который выбрал Аман для определения дня истребления еврейского народа)

Книга «Эстер» («Эсфирь») рассказывает историю об Амани, советнике-интригане при дворе царя Ахашвероша (486–465 до н.э.). Будучи разгневанным поведением Мордехая, еврея, который не хотел кланяться ему, Аман обращает свою злобу на евреев, живущих в 127 провинциях древней Персии.

Аман предстал перед царем с политической стратегией уничтожения евреев: *«И сказал Аман царю Ахашверошу: есть один народ, разбросанный и рассеянный между народами по всем областям царства твоего; и законы их отличны от законов всех народов, и законов царя они не выполняют; и царю не следует так оставлять их. Если царю благоугодно, то пусть будет предписано истребить их...»* Эстер 3:8-9

Царь издал указ по наущению Амана, и Мордехай стал умолять свою племянницу царю Эстер спасти еврейский народ от смерти. Она рисковала своей жизнью, когда предстала перед царем, чтобы просить его о милости. Однако царь проявил к ней благоволение. Он понял злой замысел Амана и приказал повесить его на виселице, которую тот построил для Мордехая.

В Пурим празднуют освобождение еврейского народа от уничтожения — освобождение, которое пришло от невидимого, но всеведущего Бога.

3–9 апреля — ПЕСАХ (ПАСХА)

Праздник Песах начинается в 15 день еврейского месяца Нисана. Это один из самых радостных праздников еврейского календаря. Слово «песах» происходит от еврейского слова, образованного буквами пей, самех и хет, которое переводится как «обойти, пройти мимо». В канун Песаха принято поститься в память о еврейских первенцах, чьи жизни были спасены в Египте, когда Господь покарал эту страну последней казнью.

Главным образом Песах празднует освобождение израильтян из рабства и исход из Египта. Примечательно, что в процессе подготовки к празднику необходимо очистить дом от всего квасного — хамеца. Хамец считается все, что так или иначе состоит из основных зерновых культур — пшеницы, ржи, ячменя, овса, за исключением специально приготовленной мацы. Это делается в память о том, что во время исхода из Египта у израильтян не было времени ждать, пока квасное тесто взойдет. Они испекли хлеб лишь из муки и воды. В результате появилась маца.

В первый вечер Песаха еврейские семьи собираются за столом и вкушают особую трапезу в память об исходе евреев из Египта. Во время пасхальной трапезы соблюдаются предписанные ритуалы. Трапеза эта называется Пасхальным седе́ром (се́дер в переводе с иврита значит «порядок»).